

Виллет

Шарлотта
Бронте

Москва

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б88

Charlotte Brontë
VILLETTE

Перевод с английского *Ольги Долженковой*

Литературный редактор *Анна Лебедева*

Школа перевода
В. Баканова

Художественное оформление серии *Яны Паламарчук*

Оформление переплета *Натальи Кауштыкиной*

Бронте, Шарлотта.

Б88 Виллет / Шарлотта Бронте ; [перевод с английского О. Долженковой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 608 с. — (Элегантная классика).

ISBN 978-5-04-229843-1

Повествование ведется от лица главной героини Люси Сноу. В 22 года она уже круглая сирота без родственников, друзей, крыши над головой и денег, ничто не держит ее в Англии, поэтому она переезжает в Лабаскур – вымышленное королевство, прообразом которого послужила Бельгия. Устроившись в пансион гувернанткой, она поднимается до учительницы английского языка. Все бы хорошо, но Люси страдает от одиночества, ведь друзей у нее так и не появилось. Со временем выясняется, что врач, лечащий девиц в пансионе, — доктор Джон Грэм Бреттон, давний знакомый Люси, его мать является ее крестной. Теперь в ее жизни появляется общение и влюбленность.

Читая роман «Виллет», мы словно бы слышим не голос главной его героини Люси Сноу, а самой Шарлотты Бронте. Люси пережила трагедию, вокруг нее, казалось бы, сжимается кольцо одиночества, но испытания сделали ее сильной и стойкой.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Долженкова О., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-229843-1

Глава I БРЕТТОН

Моя крестная жила в красивом доме в старинном и опрятном городке Бреттон. Семья ее мужа, чьи корни прорастали в местной земле на целые поколения, носила созвучную названию своего города фамилию — Бреттоны из Бреттона, — может, благодаря совпадению, а может, благодаря заслугам перед родиной какого-либо дальнего предка, но это мне неизвестно.

В юности я навещала Бреттон дважды в год, и поездки всегда доставляли радость. Особенно по нраву мне был дом с его обитателями. Тихие, просторные, со вкусом обставленные комнаты, высокие прозрачные окна, балкон над древней улочкой, словно не ведавшей других дней, кроме воскресенья, — вокруг царил покой, мостовая сохраняла чистоту, — и все это я находила весьма приятным.

Единственный ребенок в доме нередко пользуется безраздельным вниманием взрослых, и мне его досталось вдоволь от миссис Бреттон; она овдовела задолго до нашей первой встречи, потеряв мужа-доктора будучи еще молодой красавицей, и растила единственного сына.

Я помню ее уже довольно зрелой, но сохранившей красоту высокой, статной женщиной, на щеках которой,

не по-английски смуглых, неизменно цвел здоровый румянец, а в прекрасных, веселых черных глазах горела жизнь. Люди часто досадовали, что ее краски не унаследовал сын; он родился голубоглазым, при этом его взгляд с детства отличался пронзительностью; а вот для его длинных волос друзья слов подобрать не могли, и лишь когда на голову мальчика падали лучи солнца, ее нарекали золотой. Зато от матери ему достались черты лица, ровные зубы и стать (вернее, обещание таковой, поскольку ребенок еще рос), но, самое главное, безупречное здоровье и нрав такого свойства, чья ценность была выше любого состояния.

Осень ** года я провела в Бреттоне; крестная лично увезла меня из дома родственников, кому ранее вверили заботу обо мне. Полагаю, уже тогда она ясно осознавала надвигающиеся события, о которых сама я почти не догадывалась. Хотя смутное ощущение, что нечто все же грядет, вызывало у меня неукротимую тоску, и поэтому я охотно согласилась сменить обстановку.

Рядом с крестной время текло подобно воде, но не рево, как горный родник, а покойно, как величавая река через равнину. В гостях у нее я ощущала себя словно Христианин и Уповающий, идущие вдоль реки, «по обеим сторонам которой лежали луга с полевыми лилиями, цветущими и не увядающими круглый год»¹.

Я не была избалована новизной, и не часто в моей жизни случались волнующие события, но безмятежность была мне столь по душе, а яркие впечатления интересовали столь мало, что в любом происшествии я видела лишь ненужную суету.

Однажды пришло письмо, чье содержание встревожило и потрясло миссис Бреттон. Сначала я решила, что его отправили из дома, и содрогнулась от мысли о дурных вестях, однако обо мне и словом не обмолвились, и грозная туча будто миновала.

¹ Цитата из произведения английского писателя и проповедника Джона Баньяна «Путешествие пилигрима в небесную страну». (*Здесь и далее — прим. перев.*)

На следующий день, вернувшись после долгой прогулки в свою комнату, я вдруг обнаружила перемену. Теперь в углу напротив моей постели стояла кровать с белым пологом, а к комоду из красного дерева присоединился еще один, поменьше, из палисандра. Я замерла и, оглядев спальню, спросила себя: «Зачем принесли эти вещи?» Ответ был очевиден: «Здесь остановится еще одна гостья, ее пригласила миссис Бреттон».

Спустившись к обеду, я получила ответ на свой вопрос. Мне сообщили, что моей соседкой станет дочь старого друга и дальнего родственника покойного доктора Бреттона. Дитя недавно лишилось матери, впрочем, посчитала нужным добавить миссис Бреттон, утрата не столь серьезна, какой могла показаться. Миссис Хоум (видимо, так звали мать девочки), была весьма миловидной, но беспечной и недалекой женщиной, она пренебрегала материнским долгом, разочаровывала и печалила мужа. Их союз показал себя непрочным, и супруги расстались полюбовно, не представляя перед судом. Немного погодя жена, перетанцевав на балу, простудилась, слегла с лихорадкой и после непродолжительной болезни скончалась. Ее мужа, человека чувствительного склада, потрясенного неожиданным известием, похоже, было трудно убедить в том, что это не его излишняя строгость, выражавшаяся в недостатке терпения и мягкости, подтолкнули жену к ранней кончине. Он пребывал во власти мрачных раздумий до тех пор, пока доктора, озабоченные его душевным состоянием, не настояли на том, чтобы он поехал в путешествие, дабы поправить здоровье. Миссис Бреттон тем временем предложила приютить его дочь.

— И я надеюсь, — заключила крестная, — дитя не последует примеру матери, легкомысленной кокетки, на ком, дав слабину, женятся даже рассудительные мужчины. А мистер Хоум, — добавила она, — по-своему мужчина рассудительный, пусть и непрактичный: увлечен наукой и целыми днями проводит опыты в лаборатории, — чего порхающая жена совсем не понимала и не принимала. Но, по правде

сказать, и мне, — призналась крестная, — такие занятия были бы не по душе.

Еще она мне рассказала, что, по словам покойного мистера Бреттона, его друг унаследовал страсть к науке от ученого дядюшки по матери-француженке, а шотландцем сам был лишь по отцу. У мистера Хоума и теперь оставалась родня во Франции, среди которой были те, кто ставит «де» перед фамилией и считается знатью.

В девять вечера того же дня слугу послали встречать дилижанс с нашей маленькой гостьей. Мы с миссис Бреттон вдвоем ждали ее в гостиной, Джон Грэм Бреттон отправился в тот день за город с визитом к однокашнику. Крестная коротала время за свежей газетой, а я шила. Вечер выдался ненастным: по окнам хлестал дождь, и все не смолкал злой ветер.

— Бедное дитя! — то и дело восклицала миссис Бреттон. — Путешествовать в такую непогоду! Надеюсь, она скоро приедет.

Около десяти часов зазвенел дверной колокольчик, это вернулся Уоррен. Стоило двери открыться, я сразу выскочила в переднюю, куда уже внесли дорожный сундук и коробки. Рядом с багажом стояла девушка, очевидно, няня, а у подножия лестницы — Уоррен с тюком из шалей в руках.

— Это и есть наша гостья? — спросила я.

— Да, мисс.

Я хотела посмотреть на лицо девочки и отвернула шаль, но та быстро уткнулась в плечо Уоррена.

— Поставьте меня, пожалуйста, на пол, — раздался тонкий голосок, когда Уоррен зашел в гостиную. — И уберите шаль. — С этими словами из-под накидки показались крохотные пальчики и вытащили булавку.

Гостья с какой-то брезгливой поспешностью стряхнула с себя громоздкую накидку и довольно лихо принялась ее складывать, но шаль была слишком тяжела и объемна и маленькие ручки не могли с ней справиться.

— Будьте добры, отдайте Харриет, — последовало указание. — Пусть она уберет.

Гостья тут же повернулась, ее взгляд остановился на миссис Бреттон.

— Подойди, милая, — сказала крестная. — Ты, должно быть, продрогла. Подойди, погрейся у огня.

Девочка последовала ее совету. Без накидки она выглядела совсем миниатюрной; у нее оказалась изящная, вполне сформировавшаяся фигурка, и вся она была какая-то тонкая и звонкая. Сидя на коленях крестной, она напоминала куклу, и нежная, гладкая шея в обрамлении шелковистых локонов лишь усиливала это впечатление.

Миссис Бреттон умильно ворковала, растирая ручки и ножки гостьи, и та, хотя поначалу лишь с грустью разглядывала крестную, вскоре ей улыбнулась. Миссис Бреттон, которая редко проявляла ласку даже к горячо любимому сыну (скорее наоборот), на улыбку девочки вдруг ответила поцелуем и спросила:

— Как же тебя зовут, милое дитя?

— Мисси.

— А еще как?

— Полли, папа зовет меня Полли.

— А Полли не хочет со мной пожить?

— Только недолго. Пока папа не вернется. Он уехал. — Девочка выразительно замотала головой.

— Он скоро приедет за Полли или кого-то за ней пошлет.

— Правда, мэм? Вы уверены?

— Ну, конечно.

— А вот Харриет говорит по-другому, она говорит, что папа еще долго не вернется. Он болен. — К глазам ребенка подступили слезы. Высвободив свою ручонку, за которую ее держала миссис Бреттон, она попыталась слезть с ее коленей и, поняв, что ее не отпускают, попросила: — Можно я пойду, пожалуйста. Я посижу на скамейке.

Ей разрешили спуститься на пол, и, взяв скамеечку для ног, девочка села на нее, спрятавшись в темном углу. Миссис Бреттон, известная крутым нравом и даже излишней категоричностью в серьезных делах, к мелочам нередко от-

носила снисходительно и потому дала ребенку возможность поступать согласно ее желанию. Она сказала мне:

— Не обращай пока на нее внимания.

Но я не могла не обращать внимания на нашу гостью: я видела, как Полли поставила локотки себе на колени; я заметила, как она достала платочек из кармашка юбки, а затем услышала, как она плачет. Другие дети, чувствуя горе или ощущая боль, не постеснялись бы рыдать во весь голос, но эта девочка плакала украдкой, и лишь редкие бесшумные всхлипы выдавали ее состояние. Миссис Бреттон вообще ничего не услышала, что было на тот момент неплохо. Вскоре из угла раздалось требовательное:

— Позовите Харриет!

Я дернула за шнур, зазвенел колокольчик, и пришла няня.

— Харриет, мне пора в постель, — промолвила маленькая госпожа. — Спроси, где я буду спать.

Харриет ответила, что все уже разузнала.

— Ты будешь спать со мной?

— Нет, Мисси, — откликнулась няня, — вы будете в комнате с этой молодой барышней. — Она указала на меня.

Мисси осталась на скамеечке, но я заметила, что она нашла меня взглядом. Несколько минут она молча меня разглядывала, а потом вышла из своего угла.

— Спокойной ночи, мэм, — пожелала она миссис Бреттон. Мимо меня она прошла, не сказав ни слова.

— Спокойной ночи, Полли, — обратилась к ней я.

— Не нужно сейчас говорить «спокойной ночи», ведь мы спим в одной комнате, — ответила она и покинула гостиную.

Мы услышали, как в передней Харриет предлагает отнести девочку наверх. И вновь последовал ответ «не нужно, не нужно», а следом до нас донесся звук ее крохотных шагов, пока она устало поднималась по лестнице.

Войдя через час в спальню, я увидела, что Полли еще не спит. Она сидела в постели, подложив подушки под спину, и чинно держала руки перед собой, совсем не похожая на

ребенка. Я не стала с ней разговаривать, но, когда пришла пора гасить свет, посоветовала ей лечь.

— Чуть позже, — был ее ответ.

— Но, Мисси, ты простынешь.

Со стула подле кровати она взяла одну из своих вещичек и накинула на плечи. Пусть делает, что хочет. Прислушиваясь в темноте, я поняла, что она все еще плачет: тихо, стараясь себя не выдать.

Проснувшись на рассвете, я услышала плеск воды. Надо же! Девочка уже встала, залезла на табурет у умывальника и с большим трудом усердно наклоняла кувшин (слишком для нее тяжелый), чтобы наполнить водой таз. Я с интересом наблюдала за малышкой, пока та сосредоточенно умывалась и одевалась, стараясь не шуметь. Верно, она не привыкла сама справляться со своим туалетом, поэтому пуговицы, тесемки, крючки и петельки доставили ей немало хлопот, но девочка взялась за дело с необыкновенным упорством. Она сложила ночную рубашку, разгладила складки на постели, задернула белый занавес у себя в углу и затихла. Я приподнялась, чтобы посмотреть, чем она занимается. Судя по колени-преклоненной позе и опущенной голове, она молилась.

В дверь постучала няня. Девочка подскочила.

— Я уже одета, Харриет, — сказала она. — Я одевалась сама, но вышло не очень аккуратно. Сделай аккуратно!

— Отчего вы одевались сами, Мисси?

— Тихо! Не так громко, Харриет, иначе ты разбудишь эту девочку (она говорила обо мне, а я тем временем снова лежала с закрытыми глазами). — Я старалась сама, потому что хотела научиться до твоего отъезда.

— Вы хотите, чтобы я уехала?

— Когда ты ворчишь, я много раз желала, чтобы ты уехала, но сейчас нет. перевяжи кушак, пожалуйста, и пригладь мне волосы.

— Кушак завязан правильно. Какая вы все-таки привереда!

— Нет, надо перевязать. Пожалуйста, переделай.

— Как угодно. Когда я уеду, с туалетом, наверное, будет помогать эта барышня.

— Ни за что.

— Почему? Она очень хорошая. Надеюсь, и вы, Мисси, будете с ней милы и не станете дерзить.

— Она не станет меня одевать. Ни за что.

— Какая вы смешная!

— Харриет, ты криво держишь гребень, пробор выйдет неровным.

— До чего вам трудно угодить! А так хорошо?

— Вполне. Теперь я одета, и что мне делать?

— Я отведу вас завтракать.

— Тогда пойдем.

Они отправились к двери, но девочка внезапно замерла.

— Ох, Харриет! Лучше бы я была дома с папой! Я совсем не знаю этих людей.

— Мисси, нужно быть хорошей девочкой.

— Я хорошая, но у меня очень болит, здесь... — Она со стоном приложила руку к сердцу и запричитала: — Папа! Папа! Я поднялась и села в постели, чтобы взглянуть на эту сцену.

— Пожелайте барышне доброго утра, — велела Харриет девочке.

— Доброе утро, — сказала та и вышла за няней из комнаты. В тот же день Харриет уехала повидаться с друзьями, которые жили неподалеку.

Спустившись в столовую, я увидела Полину (девочка звала себя Полли, но ее полное имя было Полина Мэри) за столом рядом с миссис Бреттон. Перед ней стояла полная кружка молока, в безжизненно лежащей на скатерти руке виднелся нетронутый кусочек хлеба.

— Как бы нам с ней подружиться? — обратилась ко мне миссис Бреттон. — Даже не знаю, что делать. Она отказывается есть и, судя по ее виду, ночью не сомкнула глаз.

Я выразила уверенность, что делу помогут лишь доброта и терпение.

— Если она привяжется к кому-нибудь из домочадцев, ей будет проще освоиться. По-другому ничего не выйдет, — ответила миссис Бреттон.

Глава II ПОЛИНА

Шли дни, но девочка не спешила к кому-либо из нас привязываться. Не то чтобы она капризничала или упрямилась, наоборот, вела себя весьма кротко, однако трудно было представить особу, еще менее склонную к довольству или хотя бы к успокоению, чем она. Девочка впала в уныние: ни одному взрослому не удалось бы превзойти ее в столь печальном занятии; тоска по дому исказила ее юные черты куда сильнее, чем лица тех путешественников, что в далеких краях бредят возвращением в Европу. Она будто повзрослела и мыслями была не здесь. Мне, Люси Сноу, отнюдь не подверженной проклятию пылкого, беспокойного воображения, и то, когда я открывала дверь в спальню и видела девочку, сидящую в углу и подпирающую голову кукольной ручонкой, казалось, что в комнате не живой человек, а призрак.

Просыпаясь по ночам, я наблюдала белеющую в лунном свете фигурку в ночной рубашке, которая, стоя на коленях прямо в постели, молилась с горячностью католика или методиста, как фанатик или новый святой. Точно не помню, какие мысли приходили мне тогда на ум, но, боюсь, они были едва ли более ясными и здоровыми, чем у этой девочки.

Слова ее молитв до меня доносились редко, настолько тихо она шептала; иногда она не произносила их вовсе. Однако редкие фразы, что я могла расслышать, сполна раскрывали смысл: «Папа, мой любимый папа!»

Так, должно быть, проявлялась ограниченность ее натуры; склонность к навязчивым идеям я всегда считала самым тяжким из проклятий, насланных на род людской.

Можно только догадываться, к чему привела бы ее меланхолия, оставь мы ее без внимания: впрочем, развязка наступила неожиданная.

Однажды после полудня миссис Бреттон выманила девочку из облюбованного угла, посадила на подоконник и, решив ее развлечь, велела наблюдать за прохожими и посчитать, сколько женщин пройдет по улице за определенное время. Она безучастно сидела у окошка и никого не считала, как вдруг — я пристально следила за ее глазами — ее зрачки и радужка преобразились. Нервные, непредсказуемые особы, коих обычно называют «чувствительными», представляют собой занятное зрелище для тех, кого прохладный от природы нрав уберег от чудачеств. В печальном, неподвижном взоре что-то дрогнуло и заискрилось, хмурый лобик разгладился, скучные, понурые черты засияли, а грустное выражение сменили нетерпеливое ожидание и восторг.

— Это же!.. — воскликнула девочка.

Словно птичка или лучик света, она юркнула вон из комнаты. Не знаю, как ей удалось отворить входную дверь; возможно, она была уже приоткрыта, или на пути девочке попался Уоррен и подчинился ее приказу, что было бы неблагоразумно с его стороны. Спокойно стоя у окна, я видела, как она в черном платье и простеньком фартуке (нарядные она не признавала) добежала до середины улицы, и уже хотела было уведомить миссис Бреттон, что девочка лишилась рассудка и нужно немедленно броситься за ней, но тут кто-то уже поймал ее, скрыв от моего холодного наблюдения и любопытных взглядов прохожих. Беглянку вовремя перехватил какой-то джентльмен и, укутав ее в свой плащ, направился в сторону нашего дома.

Я решила, что он передаст ее слугам и удалится, но он вошел внутрь и, чуть задержавшись внизу, затем поднялся к нам.

Джентльмен, судя по всему, был здесь не впервые. Миссис Бреттон узнала его и поздоровалась, но всем видом выражала замешательство и смятение, даже негодование, и на ее невысказанные слова мужчина ответил следующее:

— Мадам, это выше моих сил. Я не смогу уехать, пока собственными глазами не увижу, как она здесь устроилась.

— Но вы ее только расстроите.

— Надеюсь, нет. И как поживает папина малютка Полли?

Вопрос он адресовал Полине, бережно поставив ее перед собой и сев в кресло.

— А как поживает папа Полли? — спросила девочка, опираясь на его колено и заглядывая ему в лицо.

Эта сцена предстала тихой и немногословной, за что я была благодарна; однако участников обуревали чувства, но, в отличие от напитка в переполненной чаше, который шапкой вспенится или хлынет через край, их подавляли, и оттого картина казалась еще более напряженной. Опытному свидетелю бурных и ярких настроений на помощь приходит усмешка или презрение, но я всегда считала такой род сдержанности тяжким грузом, могучим рабом холодного рассудка.

Мистер Хоум обладал жесткими, вернее сказать, суровыми чертами: шишковатый лоб, широкие, резко очерченные скулы. Он без сомнения походил на шотландца, в его глазах светилось чувство, а лицо в настоящий момент выражало волнение. Его северный акцент не вступал в противоречие с внешностью. Он одновременно выглядел гордым и скромным. Он положил ладонь на поднятую голову дочери.

— Поцелуй Полли, — попросила она.

Он поцеловал ее. Мне захотелось услышать ее восторженный вскрик, чтобы наконец дать повод усмешке и снять напряжение. Однако девочка на удивление почти не издавала звуков: она получила что хотела — все, что она хоте-

ла, — и пребывала в счастливой отрешенности. Пусть лицом и манерами дочь не напоминала отца, безусловно, она принадлежала его породе: он поделился с ней своим умом, как будто наполнил кубок из бутылки.

Мистер Хоум, несомненно, обладал большой выдержкой, однако в глубине души он вряд ли был чужд переживаний.

— Полли, — обратился он к дочери, — ступай в переднюю. Там на стуле лежит папино пальто. Поищи в кармане носовой платок и принеси его мне.

Она сделала, как он сказал: поспешно вышла из комнаты и скоро вернулась. К тому моменту ее отец успел завязать беседу с миссис Бреттон, и девочка ждала, стоя с платком в руке у его кресла. Я залюбовалась ее маленькой тонкой фигуркой. Увидев, что он не прерывает разговора и, очевидно, не знает, что она снова здесь, девочка взяла его ладонь, разжала послушные пальцы и, положив платок, сомкнула их обратно, один за другим. Складывалось впечатление, что мистер Хоум не замечал присутствия дочери, но вскоре он посадил ее к себе на колени, она прильнула к нему, и, пускай за последующий час они не обмолвились ни словом, оба, полагаю, были друг другом довольны.

За чаем малютке опять удалось всецело завладеть моим вниманием. Сначала она дала указание Уоррену, который расставлял стулья:

— Поставьте папин вот здесь, а мой рядом, между ним и миссис Бреттон. Чай папе буду подавать я. — Она уселась и жестом привлекла внимание отца: — Папа, сиди со мной, как будто мы дома.

Снова и снова она брала его чашку, размешивала сахар и наливала сливки, приговаривая:

— Дома этим всегда я занималась, папа. Никто не сделает лучше, даже ты сам.

Всю трапезу она не отступала от своих обязанностей, хотя выглядела довольно комично. Щипцы для сахара она могла держать только обеими руками, да и чтобы управиться с серебряным кувшинчиком для сливок, тарелками

с закусками, чашкой и блюдцем, ей потребовалось немало усилий и сноровки, но девочка не прекращала принимать и подавать и сумела выдержать испытание, ничего не разбив. Откровенно говоря, я посчитала ее излишне суетливой, но отец, слепой, как и все родители, с удовольствием позволил ей прислуживать и даже находил успокоение в ее стараниях.

— Она — моя отрада! — не мог он не заявить миссис Бреттон.

У крестной была собственная «отрада», куда более крупная и в данный момент отсутствующая, поэтому миссис Бреттон отнеслась к его слабости с пониманием.

Ее «отрада» явилась уже вечером. Я знала, что именно в тот день сын миссис Бреттон должен был вернуться и что все это время она его ждала. После чая, когда мы уселись у камина, к нам присоединился Грэм, вернее сказать, вторгся, поскольку его приезд, конечно же, навел немало суеты; затем приказали подать закуски, потому что тот был голоден. Мистер Грэм приветствовал мистера Хоума как старого знакомого, а на его дочь внимание обратил не сразу.

Покончив с обедом и ответив на многочисленные вопросы матери, он повернулся к очагу. Напротив него сидел мистер Хоум, а рядом с ним — дитя. Когда я пишу «дитя», я прибегаю к неподходящему и неясному определению, вызывающему в уме какую угодно картину, только не чопорную фигурку в кукольного размера траурном платье и белой шемизетке, которая, взгромоздившись на высокий стул, достала свой ящичек для рукоделия из полированного дерева и принялась обметывать крохотный носовой платок, прилежно орудуя иглой, больше напоминающей шпагу в ее руке; она то и дело колола себе пальцы, оставляя на батисте цепочку алых капелек и вздрагивала, когда капризный инструмент, своевольничая, ранил ее глубже обычного, но продолжала держаться смирно, сосредоточенно, женственно.

Грэм был красивым, плутоватым шестнадцатилетним юношей. Я пишу «плутоватый» не потому, что он отличал-